

Ю.В. Горбатова

Плантинга и его модальная версия онтологического доказательства*

1. Модальная версия Ансельмова доказательства

Хорошо известно, что онтологический аргумент был предложен Ансельмом Кентерберийским (1033–1109) в трактате «Прослогион»:

Значит, убедится даже безумец, что хотя бы в уме есть нечто, больше чего нельзя ничего себе представить, так как когда он слышит это (выражение), он его понимает, а все, что понимается, есть в уме. И, **конечно, то, больше чего нельзя себе представить, не может быть только в уме.** Ибо если оно уже есть по крайней мере только в уме, можно представить себе, что оно есть и в действительности, что больше. Значит, если то, больше чего нельзя ничего себе представить, существует только в уме, тогда то, больше чего нельзя себе представить, есть то, больше чего можно представить себе. Но этого, конечно, не может быть. Итак, без сомнения, нечто, больше чего нельзя ничего себе представить, существует и в уме, и в действительности¹.

Простота и элегантность этого аргумента вызывают восхищение, а вместе с тем чувство какого-то интеллектуального подвоха. Начиная с первого и самого известного критика этого аргумента – Гаунило из Мармуте, – список тех, кто испытывает сомнение как относительно некоторых отдельных шагов, так и относительно

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0172 «Логико-онтологические основания современной аналитической теологии», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

всего аргумента в целом, непрерывно растет. Однако защитники Ансельмова доказательства не сдаются и находят все новые способы представить его в выгодном свете.

Данная статья посвящена очередной «реинкарнации» онтологического аргумента – его модальному варианту, который был предложен в 1967 г. и более серьезно проработан в 70-х гг. XX в. американским философом и теологом Алвином Плантингой.

Благодаря использованию современной логико-философской терминологии, модальный аргумент (МА) Плантинги завоевал огромную популярность. Многие теисты сочли его триумфальным возвращением онтологического доказательства, ставящим красивую точку в споре о возможности логического доказательства бытия Бога как такового. Сам Плантинга в книге «Природа необходимости» называет окончательный вариант своего доказательства «победным» (а в монографии «Бог, свобода и зло» – «триумфальным»).

Справедливости ради отметим, что Плантинга не был первым, кто предложил модальную версию онтологического доказательства. Впервые с такой идеей выступил Чарлз Хартсхорн, опубликовавший похожее рассуждение в книге «Человеческое видение Бога» еще в 1941 г. Впоследствии усовершенствованную версию аргумента Хартсхорна предложил Норман Малкольм в статье «Онтологический аргумент Ансельма», изданной в 1960 г. Тем не менее, именно версия Плантинги получила широкую известность среди философов² и восторженное признание у обычных верующих (по преимуществу протестантов).

В чем же заключается это доказательство и чем оно так привлекательно? Прежде всего, стоит подчеркнуть, что в нем обосновывается более сильный тезис, чем обычно. Плантинга берет за основу идею Малкольма о важности доказательства не просто существования, но *необходимого* существования Бога. В терминах возникшей незадолго до публикации МА и чрезвычайно модной в те времена семантики возможных миров, это означает намерение обосновать тезис, что Бог с необходимостью существует во *всех возможных мирах*.

Следует иметь в виду, что у Плантинги есть несколько вариантов МА. Приведем тот, который он, судя по всему, считает наиболее удачным³.

(1) Найдется возможный мир, в котором максимальное величие имеет место. (Доп.)

(2) Необходимо, что объект является максимально великим, только если он обладает максимальным совершенством в любом мире. (Df)

(3) Необходимо, что объект обладает максимальным совершенством в любом мире, только если он обладает всезнанием, всемогуществом и моральной безупречностью в любом мире. (Df)

(4) Высказывание «Не существует всемогущего, всезнающего и морально безупречного объекта» является невозможным по крайней мере в одном возможном мире (согласно 1).

(5) То, что невозможно в одном мире, невозможно в любом мире.

(6) Высказывание «Не существует всемогущего, всезнающего и морально безупречного объекта» является невозможным в любом мире (согласно 4, 5).

(7) Существует объект, который обладает всемогуществом, всезнанием и моральной безупречностью в любом возможном мире, в том числе и в актуальном (согласно 6).

2. Традиционная критика МА

Круг замечаний, высказанных критиками по поводу МА, довольно широк, но на самом деле он может быть сведен к небольшому количеству основных контрдоводов. Поэтому нам показалось естественным предложить их классификацию, снабдив ее своими собственными замечаниями, что позволит более ясно взглянуть на доказательство в целом:

Проблема выбора логических оснований. Доказательство Плантинги валидно в рамках далеко не любой модальной логики, а только в системе $S5^4$, в которой отношение достижимости между мирами является рефлексивным, симметричным и транзитивным, за счет чего получается, что все миры, достижимые из нашего (а только они и нужны для оценки модальных высказываний в нашем мире), достижимы друг из друга.

Это интересный факт. В явной форме встает вопрос о выборе адекватной логической системы для подобного рода доказательств – должны ли они проходить во всех системах без исклю-

чения? Это нереально. В большинстве? Количественный критерий явно не лучший в таких вопросах. Можно, конечно, в качестве критерия предложить самые распространенные и интуитивно очевидные системы – если доказательство «работает» в них, этого достаточно. Но S5 как раз к таким и относится. При этом именно S5 является той системой, в которой говорить об отношении достижимости кажется излишним, поскольку в силу упомянутых свойств оно оказывается отношением типа тождества. Однако подобная «простота» такого отношения вовсе не является синонимом банальности и не дает права о нем вообще умалчивать. Значит, по крайней мере некорректно (относительно принятых в аналитической философии высоких стандартов доказательности и ясности) оставлять без внимания подобный факт. Тем не менее, у Плантинги на использование системы S5 в МА косвенно указывает только пункт (5) рассуждения (в подавляющем большинстве других систем он не проходит). К сожалению, этот пункт не снабжается пояснениями, а преподносится как самоочевидный, что оставляет неразрешенным вопрос, как сам Плантинга относится к сложившейся ситуации.

Проблема мыслимости максимального величия. Многочисленные возражения⁵ вызывает первый пункт доказательства – так называемая «посылка мыслимости», которая представляет собой допущение: «существует возможный мир, в котором максимальное величие имеет место». На каком основании можно заранее утверждать, что максимальное величие имеет место по крайней мере в одном возможном мире? Теистам такой вопрос вообще может показаться неправомерным, и они даже упрекнут спрашивающего в нарушении некой интеллектуальной «презумпции невиновности» – если изначально бытие Бога мы не допускаем как по крайней мере мыслимое, то это свидетельствует лишь о нашей догматической предвзятости. По крайней мере, скажут они, поскольку несуществование Бога никто не доказал, нельзя отрицать возможность его существования. Однако нам представляется, что здесь происходит подмена понятия – ведь сомнению подлежит отнюдь не вопрос о возможности существовании Бога христиан, иудеев или какой-либо другой религиозной традиции, а вопрос о возможности существования некоего абстрактного объекта, заданного определением из пункта (1) МА. То, что этот объект логически

возможен и не содержит в себе какого-то скрытого противоречия, требует серьезной проверки, результат которой, в свою очередь, будет зависеть от принимаемых нами средств анализа логической формы разбираемого доказательства (что снова возвращает нас к проблеме выбора логических оснований, упомянутой выше).

К тому же, этот вопрос напрямую связан с непроясненностью самого понятия возможности. Что значит быть возможным? Иными словами, почему оказывается возможным существование какого бы то ни было свойства в том или ином возможном мире? Критики ставят Плантинге в вину, что он, в отличие от Лейбница, полагает возможным все, что не является самопротиворечивым, а это слишком слабый критерий для характеристики того, что является возможным. Именно этот критерий вызвал к жизни ироническое «доказательство» Гаунило и множество ему подобных. Ничто не изменилось от того, что доказательство переформулировано в новом языке новой логической теории. Необходимо четко сформулировать понятие возможности так, чтобы можно было допустить наличие в мире свойств определенного рода, но далеко не всяких. Иначе нет разницы, что доказывать: существование Бога или существование дьявола.

Кейн, пожалуй, единственный из критиков МА, кто не просто указывает на неудобства, проистекающие из непроясненности понятия «возможного», но также и предлагает рациональный способ их избежать. С его точки зрения, проблема должна решаться не за счет накладывания все новых и новых содержательных ограничений на понятие возможности, а за счет изменения структуры определения понятия совершенства. Надо обратить внимание на все доказательство в целом. Что именно доказывается? Если некий объект x является совершенным, то он существует с необходимостью. Этого мало. Если остановиться на этом, то с неумолимостью все новые и новые критики будут изыскивать способы, чтобы продемонстрировать существование причудливых существ. Иными словами, «гауниловость» (в терминологии Вингарда) будет ахиллесовой пятой доказательства. Именно поэтому необходимо доказать также обратную импликацию: если объект существует с необходимостью, то он является совершенным. Это позволит избавиться от множества несовершенных объектов, являющихся мыслимыми, но не существующих на самом деле. По мнению Кейна, если подоб-

ная работа будет проделана с достаточной степенью аккуратности, можно будет говорить о том, что доказательство Ансельма обрело под ногами твердую почву возможных миров.

На наш взгляд, и этого окажется недостаточно. Для того, чтобы аргумент действительно «заработал», требуется доказать еще и единственность упоминаемого в нем совершенного объекта, так чтобы под его определение подходил исключительно Бог, а не всевозможные единороги, Пегас и даже сатана. Однако требование предельной уникальности может, в свою очередь, вступить в конфликт с требованием мыслимости – ведь абсолютно уникальный объект нельзя подвести ни под какое понятие, а значит, нельзя и мыслить.

Проблема необходимого существования. Сомнение и резкую критику зачастую⁶ вызывает и пункт (6), утверждающий не просто существование, но необходимое существование Бога (максимально великого объекта).

Пункт этот, тем не менее, вполне объясним. По сути, такое определение просто является данью традиции в понимании всемогущего, всезнающего и всеблагого Бога, согласно которой перечисленные качества не могут быть контингентными, но присущи ему только *существенным* образом. И поскольку в задачу данной статьи не входит детальный разбор исторического формирования именно такого понятия Бога, нам будет достаточно констатировать, что и без критики пункта (6) МА вызывает серьезные сомнения.

3. Новые доводы против МА

Итак, мы очертили круг проблем, которые обычно попадают в поле зрения исследователей, анализирующих МА. Высказанные претензии, безусловно, представляют интерес (пока не появилось более совершенной версии онтологического аргумента), однако давно уже не обладают новизной и на протяжении нескольких десятилетий в различных вариациях кочуют из одной работы в другую. Нам хотелось бы обратить внимание на некоторые иные аспекты доказательства, прояснение которых, возможно, позволит тем или иным образом разрешить (положительным или отрицательным образом) все эти проблемы.

Мы остановимся на следующих проблематичных моментах модальной версии доказательства Бога: 1) прояснение понятий, задействованных в МА, в частности – понятия максимального величия; 2) попытка ответить на вопрос, что представляет собой существование, что такое «совершенствообразующие свойства» и от чего зависит совершенство объекта; 3) онтологические предпосылки доказательства.

Понятие совершенства и проблема аддитивности. Плантинга в явном виде не дает определение понятию «совершенство». Более того, данный термин даже никогда не используется самостоятельно, но лишь в составе выражения «максимальное совершенство». О том, как понимает Плантинга (немаксимальное) совершенство, по его текстам можно судить лишь косвенно. Если в качестве контекстуального определения максимального совершенства взять следующую цитату:

(3) Необходимо, что объект обладает максимальным совершенством в любом мире, только если он обладает всезнанием, всемогуществом и моральной безупречностью в любом мире,

то из него, по всей видимости, следует перечислительное определение совершенства:

(Df_o) Совершенствами являются всемогущество, всезнание, моральная безупречность.

Понятие максимального совершенства при этом оказывается аддитивным:

(Df_{мо}) Максимальное совершенство – сумма трех (из трех возможных) совершенств: всезнания, всемогущества и моральной безупречности.

Такая интерпретация выглядит вполне естественной, поскольку определение максимального величия у Плантинги тоже, вне всякого сомнения, является аддитивным, хотя аддитивность тут имеет несколько иной смысл:

(Df_{MG}) Максимальное величие – сумма максимальных совершенств во всех возможных мирах.

Задать некое свойство (максимального величия) так, чтобы обладание им в некотором мире зависело не только от объектов и их свойств в этом мире, но и от объектов и их свойств в других мирах – идея весьма привлекательная. Однако аддитивность свойства – плата за такую трактовку. Можно ли получить «макси-

мальное совершенство» и «максимальное величие» простым механическим суммированием свойств в одном мире и самих миров, в которых объект обладает этими свойствами? Мы считаем, что это весьма сомнительный подход, который не учитывает системные аспекты понятия максимального величия и приводит впоследствии к серьезным трудностям.

Одну из таких трудностей описывает Вингард в своей статье «О не вполне “победной” модальной версии онтологического аргумента о существовании Бога». Он замечает, что для исследуемой версии МА вовсе не обязательно требовать, чтобы объект обладал максимальным величием *во всех* возможных мирах – достаточно, чтобы он обладал максимальным величием во всех мирах, в которых он *существует*. В самом деле, какой из двух объектов совершеннее: тот, который максимально совершен *во всех мирах, где существует*, или же тот, который существует в большем числе миров, хотя при этом максимально совершенным является не в каждом из них? Это действительно серьезная проблема, приводящая нас к необходимости уточнения ценностного статуса существования как такового.

Какие есть варианты выхода из сложившейся ситуации? Плантинга настаивает на том, что в мирах, где объект не существует, он не обладает никакими свойствами и это автоматически делает его менее совершенным, чем другие объекты, которые существуют не обязательно даже во всех, а просто в большем числе миров, чем первый объект. Такое рассуждение легитимно только при условии, что имплицитно подразумевается наличие объекта, который непременно существует во всех мирах и обладает в них максимальным величием. Наличие такого объекта снимает проблему. Но постулировать его означало бы впасть в *circulus vitiosus*, ведь доказательство как раз призвано продемонстрировать, что такой объект есть. Если же его нет, то возникают проблемные ситуации как минимум двух видов: 1) отсутствие эффективной процедуры установления для произвольной пары объектов, какой из них является (и является ли вообще) более совершенным; 2) **принципиальное отсутствие объекта, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что он совершеннее всех прочих, хотя и не обладает максимальным совершенством во всех возможных мирах.**

Совершенство и существование. Второй интересной проблемой МА является вопрос о предикативности понятий существования и необходимого существования. Прекрасно известно возражение Канта на онтологическое доказательство Ансельма: существование не является *реальным* предикатом, а значит, его приписывание сумме положительных качеств (совершенств) не может сделать объект более совершенным, чем он был до этого. Плантинга пытается избежать сходного упрека в свой адрес, а потому оговаривает, что существование (и даже необходимое существование) не являются совершенствами: «...нам нет нужды предполагать, что необходимое существование является совершенством, поскольку объект вообще не обладает никакими свойствами, и a fortiori – делающими его совершенным, в том мире, где он не существует. Таким образом, существование и необходимое существование не являются сами по себе совершенствами, но – необходимыми условиями совершенства»⁷.

Параллельно этому, Плантинга старается описать, какие же свойства можно назвать «совершенствообразующими», заодно отделяя их от тех, которые так назвать нельзя: «Кошка, к примеру, является не таким совершенным существом, как человек, поскольку последний обладает такими свойствами, как интеллект и знания, в то время как кошка – нет. Такие свойства, как жизнь, сознание, знание, мудрость, моральное превосходство, власть, смелость и схожие с ними – это те свойства, которые мы могли бы назвать совершенствообразующими»⁸. Конечно, ни пример с кошкой, ни перечисление свойств не дают однозначного ответа на вопрос, каково же точное определение совершенствообразующего свойства и как вычисляются степени такого свойства. И если про совершенства нам известно, что ими являются те свойства, у которых можно помыслить наивысшую степень, выше которой подняться нельзя (всезнание, всемогущество и моральная безупречность), то как определить, какой набор совершенствообразующих свойств (и в какой степени совершенных) приводит к достижению хотя бы одного совершенства, остается, к сожалению, неясным.

Единственное, что нам остается, это обратиться к понятию существования, о котором Плантинга так однозначно заявляет, что оно не является совершенством, но лишь необходимым условием для наличия последнего. Действительно, он отказывается от су-

существования как совершенства, но не отказывается от него как от предиката. В его работах постоянно идет речь о существовании как о свойстве, а значит, как о предикате. Причем, предикате реальном – если объект не существует в каком-то мире, он не может обладать там свойствами, в частности – совершенствообразующими, и, конечно же, не может быть совершенным в этом мире. Значит, существование все-таки добавляет нечто к сумме положительных качеств? Плантинга уверен, что это никак не сказывается на качестве МА, и возражения Канта представляются ему вескими, но нерелевантными: «Ансельм мог бы поблагодарить Канта за ценные замечания и счастливо двигаться дальше своим путем»⁹. Дело в том, утверждает Плантинга, что ни он сам, ни Ансельм никогда не совершали греха, от которого предостерегает Кант, – не включали существование в класс совершенств ни в явной, ни в скрытой форме. Мы, однако, считаем, что это далеко не очевидно.

С нашей точки зрения, Плантинга, сам того не замечая, все-таки исходит из допущения, что существование гарантирует объекту большее совершенство, чем было бы у того, если бы он не существовал. Рассмотрим, например, как американский философ интерпретирует довод Ансельма «ведь если нечто имеет бытие в одном только разуме, можно помыслить, что оно имеет бытие также и в действительности; а это уже больше, чем иметь бытие только в разуме». Согласно Плантинге, это значит (на примере Сократа): «...в мирах, где Сократ не существует, он вообще не обладает никакими свойствами, даже свойством не-существования»¹⁰. Отсюда можно заключить, что такого свойства, как «не-существование», вообще нет, поскольку ни в одном мире ни один объект не способен его экземплифицировать (и в других местах своей книги Плантинга открыто принимает данный тезис). Но тогда мы вынуждены снова обратиться к Канту, который именно потому и называл существование не *реальным* предикатом, что оно присуще всему, чему вообще можно приписать хоть какие-то свойства, в силу чего его приписывание бессмысленно. Тогда все доказательство в целом теряет смысл, что для Плантинги неприемлемо. На наш взгляд, из примера с Сократом следует, что *объект в принципе может обладать свойствами, только если он существует*. Но не такой вывод делает Плантинга. Наоборот, на основании вышеприведенного отрывка он заключает, что *свойства не может быть, если*

не существует объекта, который бы обладал этим свойством. Последнее вовсе не вытекает из того, что он сам утверждал, и, тем не менее, именно на этой посылке будет строиться все дальнейшее рассуждение.

Плантинга настаивает на том, что его доказательство говорит не об объектах, но лишь о свойствах, а именно – доказываемое существование свойства максимального величия. Это вопрос принципиальный. Если признать, что предикат существования приписывается объектам, то, как полагает Плантинга, возникает по меньшей мере один, но крайне неприятный вопрос – о статусе возможных объектов: «Многие формулировки аргумента начинались с утверждения, что существует определенный объект – величайший возможный объект, – который в любом случае является *возможным*, даже если не существует [...] Однако если мы откажемся от возможных, но несуществующих объектов, мы увидим, что исходное допущение – о том, что величайший возможный объект не существует, – не может быть когерентно сформулировано в качестве сингулярной пропозиции без того, чтобы мы уже не знали о том, что есть, то есть существует, такой объект»¹¹. Плантинга категорически отвергает идею существования возможных объектов – именно допущение таких объектов приводит к провалу онтологического аргумента. Именно поэтому доказательство должно быть не только переформулировано в виде МА, но еще и не содержать утверждений об объектах, а лишь о свойствах.

Оставив в стороне вопрос о существовании возможных объектов, отметим, что намерение Плантинги рассуждать в терминах свойств, а не объектов, носит исключительно декларативный характер. Зафиксировав идею, что свойство не может существовать без того, чтобы им обладал какой-либо объект, Плантинга, тем самым, дает себе лишь мнимую свободу от объектов, поскольку связь между объектом и свойством на самом деле в его концепции оказывается более жесткой, чем ему бы хотелось.

Чтобы лучше было понятно, о чем идет речь, попробуем разобраться с тезисом Плантинги «не может быть свойства, если не существует объекта, который бы обладал этим свойством». В принципе, довольно легко представить иную ситуацию: в некотором возможном мире **W** **свойство имеет место, но нет объекта, который обладал бы этим свойством.** Как это возможно?

Рассмотрим такое свойство, как «мироупорядочение»: каждый возможный мир устроен тем или иным образом. Следовательно, имеет место (и значит – *существует*) свойство «мироупорядочения». Более того, это свойство, судя по всему, имеет место с необходимостью, поскольку присуще каждому возможному миру. Однако можно ли указать хотя бы в одном из этих миров объект, который обладал бы этим свойством – свойством мироупорядочения? Нет, ни в одном возможном мире не найдется такого объекта. Ведь вышеупомянутое свойство принадлежит не чему-то *внутри* мира, а *самому* миру. Можем ли мы считать, что возможные миры – это тоже объекты? В широком смысле, безусловно, да. Однако ни при каких условиях нельзя отнести объекты *в* мире и миры как объекты к одной категории – это логически недопустимо. Плантинга, по всей видимости, просто не учел такой возможности. Его рассуждение не допускает существования таких свойств, хотя, в отличие от существования Бога, существование таких свойств вряд ли требует доказательства.

МА, таким образом, на самом деле имеет две части: (i) объектную – доказательство существования свойства максимального величия и (ii) выходящее за рамки используемой семантической модели пояснение, что свойство не может иметь места, если не существует объекта, который бы обладал этим свойством. Разберем теперь, почему допущение (ii) вызывает серьезные трудности в концепции самого Плантинги.

Понятие существования тесно связано с понятиями величия и максимального величия. Для того чтобы прояснить, как исчисляется величие одного объекта в абсолютном и относительном смыслах, он постулирует следующее:

(E') Для любого мира W и объекта x верно, что если x не существует в W , то найдется мир W' такой, что величие x в W' превосходит величие x в W

и, практически не видя в этих тезисах разницы,

(E'') Если возможный объект x не существует в мире W , тогда найдутся возможный объект y и мир W' такие, что величие y в W' превышает величие x в W .

Определение (E') выглядит не слишком корректным. На каком основании мы можем заключать, что действительно найдется мир W' ? Если x в W' превосходит величием самого себя в W , то он дол-

жен в W' обладать какими-то совершенствами, в то время как в W он не обладает вообще никакими свойствами, не говоря уж о совершенствах. Чтобы обладать там совершенствами, он должен обладать существованием. Тогда у нас два варианта, почему это так: либо он обладает в W' только существованием, либо существованием и по крайней мере одним совершенством. Первое легко доказать (ведь если объект «возможный», то по крайней мере в одном мире он существует), но поскольку существование – не совершенство, x в W' не будет более великим, чем в W . Во втором случае, наоборот, x будет превосходить величиной самого себя в W , но доказать, что такой мир W' обязательно найдется, не представляется возможным. По всей видимости, все, что на самом деле остается Плантинге, – признать, что существование все-таки является совершенством.

Итак, теперь явно проступает тот факт, что существование у Плантинги не может мыслиться как только лишь необходимое, но не достаточное условие максимального совершенства: оно все-таки входит в это совершенство как часть, а заявление, что существование – «всего лишь» условие совершенства, оказывается не более чем уловкой.

Что касается (E'') , то, судя по всему, оно избегает сложностей, возникающих в случае (E') . Тут для любого не существующего в некотором мире объекта найдется *другой* объект – существующий и обладающий совершенствами. При таком подходе существование не обязательно причислять к совершенствам, однако возможное несовпадение объектов x и y вызовет иные проблемы при попытке использовать такое понимание максимального совершенства в доказательстве. Во-первых, почему вообще должен найтись такой объект, который окажется более великим, чем x , который не существует в W ? Тот самый y , который существует в W' , может не существовать как раз в W или каком-либо другом возможном мире, что нивелирует его превосходство над x . Считать, что такой y обязательно найдется, – значит имплицитно подразумевать, что есть некоторый необходимо существующий объект (т. е. объект, существующий во всех возможных мирах), что некорректно, потому что это как раз и требуется доказать.

Плантинга постулирует (E') и (E'') параллельно, не видя между ними различия (или не придавая этим различиям должного значения). Такое решение тем более странно, что ни одно из этих

утверждений не влечет другое, а значит, их совместное использование необязательно. Поскольку же каждое из них оказывается по-своему проблемным, кажется странным желание использовать их совместно, что усугубляет ситуацию, не привнося в нее существенного облегчения.

4. «Онтология объектов» vs «онтология положений дел»

Нам осталось рассмотреть еще один вопрос – the last but not the least. Свою версию онтологического доказательства Плантинга основывает на им же построенной (и при этом довольно упрощенной) версии семантики возможных миров. Эта семантика представляет собой не столько строгое построение, сколько попытку быть таковым. Тем не менее, наиболее значимые понятия Плантинга старается формулировать ясно и четко. Согласно его концепции, возможные миры представляют собой максимальные положения дел:

(D₁) А *включает* В, если и только если невозможно, чтобы А имело место, а В – нет.

(D₂) А *исключает* В, если и только если невозможно, чтобы имели место А и В. При этом если имеет место А, то имеет место отрицание В.

(D₃) А является максимальным положением дел (*возможным миром*), если и только если для любого В верно, что А включает В или А исключает В.

Хинтика в своей работе «Существуют ли несуществующие объекты? Почему нет? И где?» писал: «Витгенштейн периода “Трактата” постулировал свои “объекты” как образующие субстанцию каждого возможного положения дел, но трансцендентальные в том смысле, что мы не можем сказать, что они существуют или не существуют». Эта фраза вскрывает внутреннюю противоречивость наивно понятого «логического атомизма» (основы онтологии фактов): положения дел существуют, не являясь при этом далее неразложимыми элементами; в то время как объекты обладают свойством неразложимости, однако не обладают самостоятельным существованием.

В одной из своих предыдущих статей¹² мы затрагивали тему различия онтологии объектов и онтологии положений дел – первая ведет свою историю от Аристотеля, и ее придерживались все средневековые мыслители (включая Фому и Ансельма); ключевые идеи второй были сформулированы Витгенштейном в «Логико-философском трактате», и ее придерживаются многие философы-аналитики последнего столетия, в том числе и Плантинга. В случае с Фомой была обнаружена некоторая поспешность и даже небрежность, с которой Плантинга осуществляет перевод из одной онтологии в другую, что позволяет ему обращаться к Аквинату претензии, которых последний вовсе не заслуживает.

В случае же с Ансельмом ситуация оказывается еще более запутанной. Плантинга, очевидно, выстраивает свои рассуждения в концептуальном каркасе онтологии положений дел. Об их существовании он выражается максимально прозрачно: например, «имеются два положения дел, одно из которых заключается в утверждении о существовании Бога, а другое – о его не-существовании. Теисты верят, что первое положение дел является актуальным, а первое высказывание – истинным. Атеисты верят, что второе положение дел является актуальным и второе высказывание истинно. Безусловно, оба положения дел *существуют*, но только одно *имеет место*»¹³. Из приведенного отрывка видно, что для положения дел существовать – еще не означает быть действительным. То, что обычно принято называть «существует», Плантинга называет «иметь место», а «существование» оказывается присуще всем положениям дел, что в обычном языке обычно передается словом «мыслимость». Это вполне допустимый подход.

Тем не менее, при дальнейшем рассмотрении ситуация приобретает поистине странные очертания. С одной стороны, Плантинга утверждает, что его цель – доказать существование не объекта, но свойства. Тем не менее, мы уже установили с достаточной степенью очевидности, что объект в этом рассуждении все-таки присутствовал и его «отсутствие» является просто маскировкой – в последний момент он появляется на сцене и доказательство о наличии некоторого свойства становится доказательством о *необходимом существовании объекта*. И это как раз более чем удивительно. С одной стороны, Плантинга неоднократно в неявном виде осуществлял перевод рассуждений своих предшественников с языка онтологии объ-

ектов на язык онтологии положений дел. Это приводило зачастую к неприятным последствиям и даже казусам, однако при этом было очевидно, что сам Плантинга отдает предпочтение второй из онтологий. Но в рамках данного рассуждения мы сталкиваемся с новой, неожиданной ситуацией: с одной стороны, Плантинга в явном виде придерживается онтологии положений дел (систематически переводя на ее язык рассуждения Ансельма), а с другой – практически так же открыто использует онтологию объектов.

Как можно говорить о существовании объектов? Только если придерживаться соответствующей онтологии, где в качестве базового элемента используются именно они, и для этого предикат существования должен быть задан на множестве объектов, а не положений дел. Но в такой онтологии и возможные миры должны строиться из объектов, они уже не могут представлять собой положения дел.

С другой стороны, как можно говорить о существовании положений дел (в том числе возможных миров)? Только если придерживаться соответствующей онтологии, где объекты всего лишь идеальные конструкции, точки пересечения тех или иных положений дел. Они не являются самостоятельными единицами бытия, их существование или не-существование нельзя доказать.

Плантинга, по всей видимости, пытается «усидеть на двух стульях». Постоянное смешение онтологий, примитивный перевод из одной в другую явно указывают на то, что он делает это неосознанно, не проводя четкой концептуальной границы между объектами и фактами. В частности, на такой двоякий подход указывает и сама формулировка МА, приведенная в начале настоящей статьи: пункты 1, 4 и 6 доказательства сформулированы в терминах онтологии положений дел, в то время как пункты 2, 3, 5 и 7 – в терминах онтологии объектов.

Что же теперь можно сказать о существовании Бога? Это все тот же вопрос о различии объектов и миров. Теперь, кажется, проступает самая суть проблемы: если возможные миры – это лишь максимальные положения дел, то о каких вообще объектах в этих мирах может идти речь? «Внутри» таких миров – гипотетических вариантов развития событий единственного актуального мира – никакие объекты ни иметь места, ни даже существовать (напомним, что в терминологии Плантинги второе – слабее

первого) вообще не могут. Мир – множество положений дел, а не совокупность объектов, упорядоченная каким-либо образом. При таком рассмотрении возможных миров речь могла бы идти только о положении дел «существование Бога», и оно, вне всякого сомнения, существует в каждом возможном мире. Что, однако, не обеспечивает ему, по словам самого же Плантинги, «места» хотя бы даже в одном из миров.

5. Заключение

Какой может быть сделан вывод на основании всего вышесказанного? Плантингу, а вслед за ним и его критиков, часто подводит мнимая простота используемой терминологии. Именно поэтому в данном случае базовые понятия должны получить строгие определения, а теория должна быть перестроена в рамках какой-то одной онтологической модели.

Подводя итог, скажем, что в данной статье мы стремились по возможности восстановить те понятия, которые казались нам поддающимися восстановлению, а также указать на те моменты, которые не могут быть прояснены однозначным образом, что приводит к дополнительным затруднениям в понимании МА (помимо тех, что возникают и в не-модальных его трактовках), и могут серьезно повлиять на решение тех проблем, которые в данный момент можно назвать уже классическими возражениями.

Примечания

- ¹ Ансельм Кентерберийский. Прослогион // Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М., 1995. С. 128.
- ² Этого нельзя сказать о логиках, которые скептически (и не без оснований) относятся к предложенному варианту доказательства.
- ³ *Plantinga A.* God, Freedom, and Evil. New York, 1974. P. 111–112, или *Plantinga A.* The Nature of Necessity. Oxford, 1974. P. 214–215.
- ⁴ См.: *Wingard J., JR.* On a Not Quiet Yet «Victorious» Modal Version of the Ontological Argument for the Existence of God // International Journal for Philosophy of Religion. Vol. 33. 1993. P. 47–57, а также *Kane R.* The Modal Ontological Argument // Mind. New Series. Vol. 93. No. 371. Jul. 1984. P. 336–350.

- ⁵ См., например: *Strasser M.* Leibniz, Plantinga, and the Test for Existence in Possible Worlds // *International Journal for Philosophy of Religion*. Vol. 18. 1985. P. 153–159 или *Tooley M.* Plantinga's Defence of the Ontological Argument // *Mind*. New Series. Vol. 90. No. 359. Jul. 1981. P. 422–427.
- ⁶ Например, *Strasser M.* Leibniz, Plantinga, and the Test for Existence in Possible Worlds // *International Journal for Philosophy of Religion*. Vol. 18. 1985. P. 153–159 или *Grim P.* Plantinga's God // *Sophia*. Vol. 18. No. 3. Oct. 1979. P. 35–42.
- ⁷ *Plantinga A.* The Nature of Necessity. P. 214.
- ⁸ *Ibid.* P. 199. Отметим, что вновь понятие (теперь – совершенствообразующего свойства) задается аддитивно, как сумма некоторого набора качеств.
- ⁹ *Ibid.* P. 97.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 152.
- ¹¹ *Ibid.* P. 211–212.
- ¹² *Горбатова Ю.В.* Модальный аргумент Алвина Платинга: проблема формализации и трактовка понятия существования // *Analytica*. 2010. № 4. С. 16–25.
- ¹³ *Plantinga A.* God, Freedom, and Evil. P. 38–39.

Литература

Ансельм Кентерберийский. Прослогион // *Ансельм Кентерберийский.* Сочинения. М., Канон. 1995.

Горбатова Ю.В. Алвин Платинга и Фома Аквинский о простоте и более сложных свойствах Бога // *Философия. Язык. Культура. Материалы научной конференции аспирантов и молодых ученых*, 2010. С. 40–52.

Горбатова Ю.В. Модальный аргумент Алвина Платинга: проблема формализации и трактовка понятия существования // *Analytica*. 2010. № 4. С. 16–25.

Горбатова Ю.В. Прояснение понятия совершенства и проблема аддитивности в модальной версии онтологического аргумента Алвина Платинга // *Язык философии: традиции и новации*. 2010. С. 42–49.

Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.

Grim P. Plantinga's God // *Sophia*. Vol. 18. No. 3. (Oct. 1979). P. 35–42.

Grim P. Plantinga, Hartshorne, and the Ontological Argument // *Sophia*. Vol. 20. No. 2. (Jul. 1981). P. 12–16.

Grim P. In Behalf of «In Behalf of the Fool» // *International Journal for Philosophy of Religion*. Vol. 13. 1982. P. 33–42.

Hintikka J. Are There Nonexistent Objects? Why Not? But Where Are They? // *Hintikka J., Hintikka M.B.* The Logic of Epistemology and the Epistemology of Logic. Selected Essays. Dordrecht, 1989. P. 37–44.

Kane R. The Modal Ontological Argument // *Mind*. New Series. Vol. 93. No. 371. Jul. 1984. P. 336–350.

The Ontological Argument: from St. Anselm to Contemporary Philosophers. Ed. A. Plantinga. New York, 1965.

Plantinga A. Kant's Objection to the Ontological Argument // *The Journal of Philosophy*. Vol. 63, No. 19. Oct. 13, 1966. P. 537–546.

-
- Plantinga A.* God and Other Minds. Ithaca and London, 1967.
- Plantinga A.* God, Freedom, and Evil. New York, 1974.
- Plantinga A.* The Nature of Necessity. Oxford, 1974.
- Purtill R. L.* Plantinga, Necessity, and God // *New Scholastic*. Winter 1976. P. 46–60.
- Strasser M.* Leibniz, Plantinga, and the Test for Existence in Possible Worlds // *International Journal for Philosophy of Religion*. Vol. 18. 1985. P. 153–159.
- Tooley M.* Plantinga's Defence of the Ontological Argument // *Mind*. New Series. Vol. 90. No. 359. Jul. 1981. P. 422–427.
- Wingard J., JR.* On a Not Quiet Yet «Victorious» Modal Version of the Ontological Argument for the Existence of God // *International Journal for Philosophy of Religion*. Vol. 33. 1993. P. 47–57.